
УДК 316.422:130.2
ББК 60.524.122.115
А 86

В.В. Арутюнян,
аспирант кафедры истории и философии науки ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный университет», тел. 8961 494 00 77, e-mail: prados77@yandex.ru

Субъект социального действия в условиях модернизации (Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается роль смены типов социального действия в становлении современного общества. Показывается, что целерациональный тип социального действия, субъектом которого выступает гражданин, способствует индустриализации общества и рыночной организации экономики.

Ключевые слова: социальное действие, гражданин, традиция, рыночная экономика, модернизация.

V.V. Arutyunyan,
Post-graduate student of Department of History and Philosophy of Science, Stavropol State University, ph.: 8961 494 00 77, e-mail: prados77@yandex.ru

The subject of social action in the conditions of modernization

Abstract. The paper discusses the role of changes of types of social action in the development of modern society. The author shows that the instrumental type of social action, the subject of which is a citizen, promotes industrialization of a society and transition to the market economy.

Keywords: social action, citizen, tradition, market economy, modernization.

Вопросы социальной структуры модернизирующегося общества, квалификации его типологического состояния в контексте проблем периодизации исторических макропроцессов привлекали и продолжают привлекать внимание многих исследователей. Первые наблюдения, в которых содержались попытки раскрыть специфические черты общества модерна, сосредотачивались на описании феноменов, связанных с промышленной революцией и индустриализацией, таких как переход от ручного труда к машинному, развитие промышленного производства, транспортных средств, связи и коммуникаций, создание рыночной экономики. Изначально в основу теорий модернизации легла идея деления эволюции общества на доиндустриальную и индустриальную стадию.

Здесь в первую очередь следует упомянуть фундаментальные исследования О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Тённиса, авторов, которых по праву считают пионерами социологии.

Таким образом, особое место в рамках теории модернизации отводится проблемам выражения отношений социально-экономического перехода от аграрного типа общества к индустриальному. В связи с этим в литературе подробно рассматриваются темы промышленной революции в Западной Европе, влияния индустриализации на социум и окружающую среду, урбанизации и изменения структуры семьи. В данном контексте «модернизацию» имеет смысл рассматривать как инновацию или совокупность инноваций,

которые приводят к существенным изменениям социальных процессов... речь идёт о совокупности перемен, происходящих в процессе индустриализации» [1]. Один из создателей экономической социологии Н. Смелзер, уделявший немалое внимание исследованию проблем социальных изменений и социальных сдвигов (предложивший, в частности, классификацию условий социальных движений, обуславливающих наличие соответствующих моделей коллективного действия), свои наблюдения относительно источников социальных и культурных изменений в современном обществе суммировал в обобщающем определении: «Мы употребляем слово «модернизация» для характеристики сложной совокупности перемен, происходящей почти в каждой части общества в процессе индустриализации» [2].

К объяснению типологической специфики структур общества модерна обращались и многие другие авторы [3]. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, их работы концентрировались, главным образом, на одной проблеме — проблеме выделения первобытной (доисторической), доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной ступеней развития [4]. При этом следует отметить, что, хотя исследователи справедливо выдвигали на первый план изучение способов социально-экономического перехода от традиционного общества к индустриальному, рассматривавшихся в качестве основных экономических стадий, они не могли дать целостной характеристики их типологического состояния и, тем более, его содержательного истолкования, поскольку в течение долгого времени интересовались лишь одним фрагментом структуры общественных преобразований — экономико-технологическим. Исследовательская традиция далеко не использовала тех богатейших перспектив, которые открываются в связи с признанием важнейшей роли в протекании процессов модернизации изменений идеологического, политического, социального и культурного порядка.

Изучение вопросов усовершенствования экономики, а также определяемых этим общественных сдвигов немислимо вне учёта динамики культуры как специфической сферы человеческой деятельности, связанной с самовыражением человека, проявлением его субъективности. И хотя это положение тривиально, оно, тем не менее, оказывается принципиальным, когда речь заходит о проблемах выработки адекватной текущему состоянию общества парадигмы исторического развития. В настоящее время научные данные о строении и функциях культуры свидетельствуют о том, что культура и информация могут рассматриваться как символическая система и её функция соответственно. Поскольку главная функция культуры состоит в преобразовании, накоплении, сохранении и распределении информации, в культуре, следовательно, происходит своего рода селекция инноваций. Для понимания природы модернизационных преобразований необходимо исходить из того, что процессы превращения традиционного, дотехнологического общества в общество индустриально развитое связаны не только с ориентацией на технические инновации, но и со сменой типов и форм организации жизни и деятельности людей, обеспечивающей возможность для внедрения новшеств в социальную практику. Как справедливо отмечает Л.С. Васильев, «идеи и институты стали фундаментом модернизации... на таком гигантской важности фундаменте — причём только и именно на нём, поскольку без него нечто подобное не имело шансов появиться на свет, — формировалось и то, что имело и имеет отношение к экономике и технике... новая инфраструктура, изобретения и прочие новации технико-технологического характера были вызваны к жизни благодаря тому, что граждане и избравшаяся ими власть заложили для них ответственный идейно-институциональный фундамент» [5]. Поэтому подход, рассматривающий модернизацию как многоканальную систему экономических, политических, социальных

и культурных отношений, — перспективный подход.

Слабость концепций модернизации в значительной мере предопределена тем, что они рассматривают индустриалистскую трансформацию в отрыве от человека, от сущностных целей его бытия в культуре. В действительности мы можем понять природу преобразований экономического и технологического характера только через рассмотрение универсальных требований социокультурной практики к субъекту социального действия. При конструировании моделей периодизации исторического макропроцесса следует исходить из того положения, что деятельность человека имеет только одно назначение — назначение практическое, что она развивается в ориентации на практику и нормирована ею в своих высших принципах. Принимая этот общий тезис, мы в известном смысле входим в область метафизики, от которой многие исследователи хотели бы избавиться. Действительно, в рамках данного подхода конкретные данные относительно экономического оборота естественных ресурсов, хозяйственного роста территорий или укрупнения структуры заводской промышленности оказываются переплетены с мотивами духовного, ментального и культурного порядка, с трудом поддающихся верификации. Борьба с метафизикой, однако, не может быть оправдана. Теория модернизации направлена на объяснение основных законов возникновения и дальнейшего изменения сложных социальных систем, её успех состоит в объяснительной и унифицирующей силе её постулатов, и она должна быть открыта для гипотез любого рода, способствующих достижению этой цели.

Таким образом, современная теория модернизации может быть только теорией социального действия. В контексте исследования типологических характеристик исторического процесса имеет прямой смысл рассматривать человека, прежде всего, как действующее существо, а все его представления о мире, вплоть до элементарных чувственных восприятий, как подчинён-

ные установке на действие и на эффективность действия. Созерцательного восприятия мира не существует, человек нацелен на действие и видит мир в категориях действия. Фундаментальность культуры как высшей нормативной структуры общества состоит в том, что культурные формы непосредственно связаны с деятельностным видением мира и с системой психологических, социальных, политических и правовых категорий, в которых оно выражено.

Существенный вклад в типологическое изучение общества модерна, как и вообще проблем теории всемирно-исторического процесса внесли исследования М. Вебера, проделавшего огромную работу по систематизации и интерпретации фактов, отражающих специфические для индустриальной эпохи формы хозяйственной жизни. В то же время нельзя не отметить и то большое значение, которое имеют для разработки проблем типологии истории его труды как описательного, так и теоретического характера, посвящённые определению своеобразия социального действия в различных типах общества. Учитывая современное состояние теории модернизации, которое обогатилось в последнее время целым рядом новых исследований, можно не только уточнить некоторые выводы М. Вебера относительно идей и мировоззрений, регулирующих человеческую деятельность, но и дополнить их новыми (которые, впрочем, не только не опровергают основные положения учёного, а, скорее, их подтверждают).

Как известно, социальное действие по М. Веберу может быть целерациональным, ценностно-рациональным, аффективным и традиционным. Целерациональное действие — это действие, в основе которого «лежит ожидание определённого поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели» [6]. В противоположность этому, ценностно-рациональное действие основано «на вере в безусловную — эстетическую,

религиозную или любую другую — самодовлеющую ценность определённого поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведёт» [7]. Двум оставшимся типам социального действия свойственно «затухание» осознанных интенций. Аффективное действие обусловлено эмоциональным состоянием индивида, а традиционное вытекает из автоматизма длительной привычки к реализации какого-либо конкретного способа социокультурной деятельности. Следовательно, целерациональное действие как опирающееся на здравый смысл, организованное наиболее разумным способом и целесообразное противостоит аффективному и традиционному действию, мотивы к осуществлению которых в большей степени лежат в сфере социальных инстинктов, чем логики и рассудка. Весьма отличным от эталонов рациональности образом приходится квалифицировать и структурное состояние ценностно-рационального действия (которому в концепции М. Вебера никакого определённого типа господства в соответствии не ставится), отражающего совмещение стимулов утилитарного и ценностного порядка при безусловной доминации последних.

Проанализировав материал многообразных связей между группами, классами, нациями в процессе социальной, экономической, политической и духовной деятельности, М. Вебер пришёл к выводу о том, что между типами социального действия и типами господства, определяющими особенности организации власти и управления в обществе, прослеживается система корреспонденций, обнаруживающая их генетическое единство. Целерациональные соображения выступают основой «легального» типа господства, характерного для развитых европейских буржуазных государств. Традиционный тип господства основан на иной мотивации повиновения — вере не только в законность, но даже в священность издавна существующих порядков и властей и базируется на повседневных нравах, привычках к определённому поведению. Наконец, тип господства, имею-

щий аффективную основу мотивации, получил у М. Вебера наименование харизматического. По харизмой учёный понимал совокупность качеств личности, признаваемых в обществе необычайными, благодаря которым данная личность оценивается окружающими как обладающая специфически особыми силами и свойствами, недоступными другим людям [8].

Таким образом, работы М. Вебера характеризуются очевидным стремлением осмыслить структуру социального действия и закономерности социальной динамики как некоторую целостную систему взаимно координированных явлений. К числу основных тенденций исторического процесса, простирающихся, хотя и с различной долей вариативности, в эволюции каждого общества М. Вебер относит и рационализацию социального действия. Четыре описанных им типа социального действия учёный располагал в порядке возрастания рациональности — от чисто традиционного к целерациональному [9]. Действительно, рассмотрение истории развития представлений об обществе и человеке, исторических трансформаций социального поведения индивидов и социальных общностей в конкретных пространственно-временных рамках показывает, что традиционалистские формы социальности, воспринимавшиеся их носителями в качестве естественных, отражающих природный, санкционированный высшими силами, зачастую сакрализованный порядок, постепенно получают материалистическое истолкование, научную интерпретацию на языке имплицитно-логических и взаимно-коррелятивных связей. И если раннее понятие модернизации практически приравнивалось к понятию промышленного переворота, то благодаря исследованиям М. Вебером под модернизацией стало уже обычным понимать целую систему изменений, протекающих на различных уровнях организации социума — экономическом, политическом, культурном, ментальном.

Проблема соотношения между процессами экономических преобразова-

ний и социокультурной динамики и сегодня является ключевой в теории модернизации. Количество аспектов этой проблемы неисчислимо, как и приложение объяснительной силы возможных решений. Собственно явное сохранение зависимости специфики протекания производственных революций от перемен в сфере идеологии и ментальности — это ситуация, при которой проблем не возникает. Но и отсутствие такой выраженной зависимости ещё не означает её полного отсутствия. Малая вероятность непроходимой цезуры между экономикой с одной стороны, политикой, правом и культурой с другой должна настраивать исследователя на конструктивный подход, внушать определённый исследовательский оптимизм. Наибольший интерес в этой связи представляют случаи, когда изучаемые изменения в технологии если не обязательно входят целиком, то всё-таки примыкают к сфере культуры, будучи тем самым потенциально склонны к обновлению, сменяемости и относясь вместе с тем к числу факторов как бы вторичных, производных от социокультурных трансформаций, сложных. Значит, здесь интерес может представлять вскрытие структуры такой зависимости, а заодно и механизмов социально-экономического развития общества модерна.

Теория функционирования социального организма, исходящая из значимости фактора трансформации социального действия в экономико-технологических изменениях в обществе и его влияния на процессы модернизации, связана с кругом вопросов «государство и личность», «общество и личность», без решения которых невозможно дальнейшее изучение проблемы периодизации макроистории. В свою очередь методологической и мировоззренческой основой решения данного круга вопросов служит та или иная концепция субъекта социального действия, то есть, по существу, концепция социально-правового статуса личности. В этой связи следует отметить, что поскольку «современный рациональный промышленный капитализм в такой

же степени, как в исчисляемых технических средствах производства, нуждается в рационально разработанном праве и управлении на основе твёрдых формальных правил» [10], то в качестве субъекта социального действия в обществе модерна может рассматриваться лишь индивидуальное лицо, являющееся автономным актором горизонтальных общественных отношений, основанных на юридическом равенстве и договорных началах. Тип социальной организации, складывающейся из формальных структур регулирования общественных отношений на основе позитивного права и «поверх» религиозных, этнических, сословных, клановых и иных социальных «перегородок», предполагает в качестве субъекта социального действия обособленного атомарного индивида, связанного с определённым государством политико-правовыми отношениями. Такой индивид выступает в социальных коммуникациях как гражданин. Разрушение жёсткого традиционалистского уклада и развитие института гражданства явилось предпосылкой экономико-технологической модернизации. Ясно, что столь сложное и обобщённое понятие предполагает долгую предшествующую эволюцию и поэтому сочетается с утончённо развитым рационалистическим мировоззрением.

Что касается традиционного общества, то интерпретация интегрирующих его структур может быть успешно построена на постулате родственной связи (исторического тождества) ценностно-рационального, аффективного и традиционного типов социального действия и традиционного типа господства. Реализация данного подхода, казалась бы, наталкивается на два существенных возражения. Во-первых, сам М. Вебер колебался, считать ли аффективное и традиционное поведение в строгом смысле слова социальным, поскольку здесь наблюдается бедность осмысленной мотивации, дефицит дискурсивной, аналитической, проектировочной работы рассудка, недостаток сознательного контроля за повседневной активностью. Во-вторых, М. Вебер типологически

«разводил» понятия традиционного и аффективного господства как имеющие разную мотивационную подоснову.

Однако оба эти возражения могут быть, как представляется, уверенно отклонены. В основе первого лежит противопоставление аффективного и традиционного действия целерациональному по признаку сознательности/рефлексивности. Такая позиция радикально психологизирует деятельность человека, переводит её рассмотрение из собственно социальной сферы в сферу протекания психических процессов, в то время как основная функция социального действия — институциональная, заключающаяся в поддержании и воспроизводстве сложившихся форм социальных отношений. Традиция предлагает человеку определённые ценности, ориентирует на соответствующие цели и таким образом конституирует общество как совокупность социальных взаимодействий и коммуникаций. Психологические и экзистенциальные параметры человека как личности оказываются инвариантом социально принятого образа организации бытия.

В данном контексте не играет существенной роли и мотивационное расхождение между традиционным и аффективным типом социального действия. Многочисленные работы, посвящённые анализу первичного политогенеза (какой бы стороны рассматриваемого вопроса они ни касались — проблемы ли консолидации племенных протогосударств или функционирования социоэтнических общностей кочевников), так или иначе связывают специфику властного строя первичных надобщинных коллективов с наличием обуславливающей специфику этого строя структуры харизматического господства [11]. Харизматическое лидерство в чистом виде может быть реализовано только в традиционном обществе, поскольку возможность повысить свой социальный статус, проявив личные качества и минуя формальные процедуры легализации, предусмотрена традицией и находит в ней религиозное оправдание. Следовательно, артикуляционные характеристики аффективного и тради-

ционного типов социального действия сравнительно близки, хотя и обнаруживают свою специфику в конкретной исторической ситуации. Их структурный и субъектный состав совпадает в своих наиболее общих чертах. Субъектом традиционного и аффективного действия выступает член родового, кастового, кланового коллектива, чьё место в обществе и социальный статус определяются традициями и происхождением.

Таким образом, общество модерна может быть типологически выделено благодаря широкой совокупности разнородных характеристик, в той или иной мере объединённых преобладающим целерациональным типом социального действия, субъектом которого является гражданин. В этой связи следует подчеркнуть, что сравнительно-типологическое исследование типов социального действия в формальном и сравнительно-историческом плане приводит к далеко не однозначной квалификации их отношений. Так, если в плане формальной типологии устанавливается промежуточное в целом положение ценностно-рационального типа, по отношению к которому целерациональный тип с одной стороны, и традиционный и аффективный с другой представляют собой структурно полярные звенья, то совершенно иную картину обнаруживает сопоставление этих типов в плане социокультурном. В последнем аспекте, напротив, ценностно-рациональный, традиционный и аффективный типы скорее должны быть объединены в одну группу, характеризующуюся более менее выдержанным строем традиционного господства и традиционалистской субъектности.

Эти взаимоотношения определяют с точки зрения той разновидности социальной стратификации, которая может быть обозначена как статусная (предполагающая анализ сколь угодно широкой совокупности социокультурных явлений в рамках положения, занимаемого индивидом в обществе или его отдельной подсистеме). Представляется, что только такой выбор позволяет в настоящее время дать сколько-

нибудь развёрнутую типологическую характеристику исторического процесса. Единой характеристикой модернизирующихся обществ следует считать развитость политико-правовых артикуляций субъекта социального действия. Напротив, в статусной парадигматике

традиционалистских систем превалируют связи и отношения, построенные на личном доверии. Яркой обособляющей чертой оказывается культивируемое в традиционном обществе требование к индивиду соответствовать предписанной социальной роли.

Примечания:

1. Зборовский Г.Е. Общая социология. Екатеринбург: Изд-во ГУ, 2003. С. 678-679.
2. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1998. С. 620.
3. Алексеев В.В., Побережников И.В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. 2000. №5-6. С. 8-49; Бахлов И.В., Напалкова И.Г. Модернизационная парадигма в исследовании динамики политических явлений // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2010. №2. С. 14-25.
4. Крадин Н.Н. Современные проблемы теории всемирно-исторического процесса // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2007. Т. 16, вып. 1. История. С. 115.
5. Васильев Л.С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. С. 88.
6. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 628.
7. Там же.
8. Вебер М. Типы господства // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 736.
9. Вебер М. Основные социологические понятия... С. 628-629.
10. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 54.
11. Васильев Л.С. Указ. соч. С. 45-46, 49-51.

References:

1. Zborovsky G.E. General sociology. Yekaterinburg: GU Publishing house, 2003. P. 678-679.
2. Smelzer N. Sociology. M.: Phoenix, 1998. P. 620.
3. Alekseev V.V., Poberezhnikov I.V. Modernization school: evolution of theoretical foundations // The Ural Historical Bulletin. 2000. No. 5-6. P. 8-49; Bakhlov I.V., Napalkova I.G. A modernization paradigm in the research of political phenomena dynamics // A humanist: actual problems of science and education. 2010. No. 2. P. 14-25.
4. Kradin N.N. Modern problems of the world-wide historical process theory // The Bulletin of Novosibirsk State University. Series History, philology. 2007. V. 16. Issue 1. History. P. 115.
5. Vasilyev L.S. Modernization as a historical phenomenon (on general patterns of evolution). M.: Fund «Liberal mission», 2011. P. 88.
6. Weber M. Basic concepts in Sociology // Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990. P. 628.
7. Ibidem.
8. Weber M. Types of rule // Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990. P. 736.
9. Weber M. Basic concepts in Sociology... P. 628-629.
10. Weber M. The Protestant ethics and the spirit of capitalism // Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990. P. 54.
11. Vasilyev L.S. Mentioned work. P. 45-46, 49-51.